

Белов А. А., Череповецкий государственный университет
Орехов Б. В., Башкирский государственный университет
«Кровавый закат звезды римской славы»:
о возможной связи текстов Ф. И. Тютчева и Цицерона

В статье рассматривается вопрос об интертекстуальных связях текстов Ф. И. Тютчева и Цицерона. Выдвигается гипотеза о том, что одним из текстуальных источников стихотворений Ф. И. Тютчева «Цицерон» и «Уrania» был фрагмент трактата Цицерона «О дивинации».

***Ключевые слова:** Тютчев Ф. И., Цицерон, Рим, Уrania, О дивинации, интертекстуальные связи*

По всей видимости, Тютчев был довольно хорошо знаком с текстами Цицерона. Н. В. Королева отмечает, что «Тютчев вырос на чтении Цицерона и предпочитал его многим авторам» [Королева: 189], вероятно, предполагая, что Тютчев познакомился с Цицероном во время своего домашнего обучения латинскому языку. Произошло ли это знакомство после 1813 года, когда учителем Тютчева стал С. Е. Раич, или же раньше – неизвестно, но сам факт такого знакомства весьма вероятен, поскольку тексты Цицерона практически всегда использовались при изучении латыни. Безусловно, что Раич, например, делал большой акцент на латинской поэзии, однако он не оставлял без внимания и прозаиков, на что, в частности, указывают слова И. С. Аксакова: «Под его (Раича – А. Б., Б. О.) руководством Тютчев превосходно овладел классиками и сохранил это знание на всю жизнь: даже в предсмертной болезни, разбитому параличом, ему случалось приводить на память целые строки из римских историков» [Аксаков: 13].

В университете знакомство Тютчева с Цицероном состоялось уже совершенно точно, на лекциях И. И. Давыдова (курс «Латинская словесность и Древности», 1819/1820 учебный год), которые Тютчев, по свидетельству самого лектора, посещал регулярно («И. И. Давыдов дал общую оценку группе студентов, в том числе Тютчеву: «Постоянно бывали на лекции»» [Летопись: 33]). В программу курса входили, как минимум, разбор «речи за Марцелла» [Летопись: 32] и чтение «правил Красноречия из Цицерона» [Летопись: 32]. Кроме того, даже при наших весьма скудных сведениях о библиотеке Ф. И. Тютчева, достоверно известно, по меньшей мере, об одной книге этого античного автора, принадлежавшей поэту: *Cicero, Marc Tullius*. M. Tullius Cicero's Sammtliche Briefe ubersetzt und erlautert von C.M. Wieland. Bd. I – V.

Stuttgart. Bei U.F. Macklot. 1814. На чистом листе, предшествующем фронтиспису первого тома, – владельческая надпись чернилами рукой Тютчева: «Tutchef» [Белевцева: 641].

Ввиду изложенных обстоятельств не может не подниматься – и поднимается – вопрос об интертекстуальных связях стихотворений Тютчева и текстов Цицерона. Тем не менее на сегодняшний день считается бесспорным только один пример такого рода параллели – в строках, открывающих стихотворение «Цицерон»:

Оратор римский говорил

Средь бурь гражданских и тревоги:

«Я поздно встал – и на дороге

Застигнут ночью Рима был!» [Тютчев 1987: 104].

Интертекстуальный источник этих строк – сочинение Цицерона «Брут, или О знаменитых ораторах» («оратор римский» в стихотворении Тютчева отсылает нас к образу Цицерона в его – Цицерона – собственном тексте). Стихи «Я поздно встал – и на дороге / Застигнут ночью Рима был!» имеют в указанном сочинении прямой текстовый аналог – в Заключении, обращаясь к своему собеседнику Бруту, Цицерон говорит: «...мне горько, что на дорогу жизни вышел я слишком поздно и что ночь республики наступила прежде, чем успел я завершить свой путь»¹ [Цицерон 1972: 327] (*equidem etsi doleo me in vitam paulo serius tamquam in viam ingressum, priusquam confectum iter sit, in hanc rei publicae noctem incidisse*). «Бури гражданские и тревога» из второго стиха характеризуют состояние периода конца римской Республики, времени, в которое был написан «Брут» и которое в нем отразилось.

Аркадий Полонский в работе «О глаголах в поэзии Тютчева» высказывает предположение, что «Silentium!» также был создан под влиянием текстов Цицерона, а именно – под опосредованным влиянием «Сновидения Сципиона», фрагмента диалога «О государстве» (А. Полонский по ошибке называет «Сновидение Сципиона» главой «Тускуланских бесед»). По словам А. Полонского, «в рассказе «Сновидение Сципиона», есть любопытная фраза спящего рассказчика (Сципиона): «Соблюдайте тишину, а то вы меня разбудите. Дослушайте до конца!». Фраза получила распространение в итальянской

¹ Под «завершить свой путь» здесь имеется в виду «умереть», т. е. Цицерон сожалеет о том, что родился слишком поздно и не успел умереть до наступления «ночи республики». В отличие от оратора Квинта Гортензия, о «счастливой» смерти которого Цицерон говорит так: «Поистине, смерть Гортензия была счастливой: он не дождал до того, что так ясно предвидел заранее. Ибо мы с ним часто оплакивали между собой грозящие беды, наблюдая, как честолюбие частных лиц увлекает нас к гражданской войне и как надежда на мир ускользает от общественного мнения. Но его удача, которая сопутствовала ему всю жизнь, на этот раз в виде своевременной смерти спасла его от всех последовавших затем несчастий» [Цицерон 1972: 327]. Практически сразу после этих слов (через абзац) как раз и идет использованный Тютчевым фрагмент: «Что же касается меня, мне горько...».

поэзии, упомянута в стихотворениях Строщи и Микеланджело и по названным первоисточникам была известна Тютчеву. В 1855 году он перевёл четверостишие Микеланджело «Молчи, прошу – не смей меня будить». Так вот: «Соблюдайте тишину...», или короче: «Молчание!», «Silentium!» [Полонский]

Нельзя не отметить, что сама постановка вопроса о возможной связи «Silentium!» и текстов Цицерона или, по меньшей мере, римской темы вполне обоснованна (см. [Орехов: 160]). Помимо латинского заглавия, на это косвенно указывает тот известный факт, что автограф «Silentium!» расположен на одном листе с автографом стихотворения «Цицерон». Однако гипотеза, выдвигаемая А. Полонским, не кажется нам достаточно убедительной. На наш взгляд, сначала следовало бы доказать, что сам текст Микеланджело написан под влиянием Цицерона (это совсем не очевидно), а такого доказательства в статье А. Полонского мы не находим.

Предмет нашего интереса в данной работе – метафора-характеристика, завершающая первую строфу стихотворения «Цицерон»: «кровавый закат звезды римской славы» («Так!.. но, прощаясь с римской славой, / С Капитолийской высоты / Во всем величье видел ты / Закат звезды ее кровавый!..») [Тютчев 1987: 104]²). Метафора эта до сих пор не была должным образом проанализирована с точки зрения текстуальных параллелей. Попробуем восполнить пробел и проследить вероятный источник данного образа.

В 53 г. до н.э. Цицерон был избран пожизненным членом коллегии авгуров – жрецов, занимавшихся толкованием воли богов на основе особого рода культовых действий (ауспиций). Этот опыт послужил римскому оратору материалом для создания трактата «О дивинации» (*De divinatione*), где он касается проблемы предсказаний и предзнаменований. В первой книге трактата Цицерон приводит написанные от имени Урании стихи о событиях, происходивших после его вступления в должность консула:

Сам же ты, вспомни, когда ты впервые был консулом избран
И на Альбанской горе, проходя по холмам ее снежным,
<...> сам тогда наблюдал ты движенье
Плавное звезд и опасное на небе соединенье
Тех же планет с их мерцающим блеском, а также кометы
Ярким блистаньем своим приводящие в трепет, и посчитал ты

² Другое чтение строки: «Закат звезды ее кровавой» [Тютчев 2002: 122], кажущееся нам менее убедительным, не влияет на наши выводы, так как при всей разнице отношений внутри поэтического образа, сумма мотивов, его составляющих, остаётся неизменной.

Все это знаменьем грозным, резню сулящим ночную.

<...> К тому же с чего бы иначе тот факел
Феба, прискорбный предвестник войны, жаром пылая,
Прежде к зениту взлетел, а затем у небесного края
Смерти своей домогался в ту ночь [Цицерон 1985: 198].

*(Nam primum astrorum volucris te consule motus
concursumque gravis stellarum ardore micantis
tu quoque, cum tumulos Albano in monte nivalis*

*lustrasti et laeto mactasti laete Latinas,
vidisti et claro tremulos ardore cometas,
multaque misceri nocturna strage putast*

(...)

*Quid vero Phoebi fax, tristis nuntia belli
quae magnum ad columen flammato ardore volabat,
praecipitis caeli partis obitusque petessens)*

Упомянутая здесь Альбанская гора служила одним из культовых центров Юпитера, и вновь избранные консулы совершали там жертвоприношения. В приведенных стихах Цицерон описывает, как во время ритуала увидел в небе много дурных знамений, грозящих «ночной резней», которая сопоставлена им с заговором Катилины – одним из эпизодов римской истории, прямо предвещавшим будущее крушение Республики и пришедшимся как раз на время консульства Цицерона. Особое внимание Цицерон уделяет небесному явлению, обозначенному им как «факел Феба», который сначала взлетает к зениту, а затем скрывается за горизонтом («небесным краем»). Смысл этого знамения определен самим автором как «предвестие войны», т.е. той самой гражданской войны, в которой и погибла «слава Рима».

На наш взгляд, именно этот отрывок может являться текстуальным источником «кровавого заката звезды римской славы», который созерцает Цицерон у Тютчева. Внешнее несовпадение заключается лишь в том, что в тютчевском тексте Цицерон видит падение звезды «с Капитолийской высоты», а не с Альбанской горы. Возможно, впрочем, что Альбанская гора была замещена в сознании Тютчева Капитолийским холмом, поскольку обе эти возвышенности играли роль культового центра, а Капитолий еще и воплощал идею римской государственности. Идея государственности важна и для того контекста, в котором обнаруживается первая цитата из Цицерона («...мне горько, что на дороге жизни...»). Двумя абзацами выше Цицерон сравнивает себя с другим оратором, Квинтом Гортензией, говоря: «Так вот,

стало быть, его расцвет продолжался от консульства Красса и Сцеволы до консульства Павла и Марцелла; а я находился на том же поприще от диктаторства Суллы и почти до тех же самых консулов. Таким образом, голос Квинта Гортензия умолк вместе с его кончиной, мой же голос – с кончиною государства» [Цицерон 1972: 327]. То есть уже в «Бруте» прослеживается стратегия совмещения в одном образе судьбы римского государства и судьбы самого Цицерона, и не исключено, что эта же стратегия вызвала появление в тексте знакового образа Капитолийского холма. Его внутрилитературные истоки тем правдоподобнее, если вспомнить, что *оратор* Цицерон должен был бы ассоциироваться с Римским Форумом. Стоит сделать акцент, что именно Форум, а не Капитолий, вопреки [Николаев: 380], был центром политической жизни Рима, в то время как Капитолийский холм скорее играл роль культового центра и сопоставлялся с идеей римской государственности прежде всего в мифо-ритуальном плане. Ср.:

Crescam laude recens, dum Capitolium

Scandet cum tacita virgine pontifex

(Нор. Carm. III, 30).

‘Моя слава будет возрастать до тех пор, пока в Капитолий поднимается жрец с молчаливою девой’. По словам Плэтнера, капитолийский храм (*Aedes Iovis Optimi Maximi Capitolini*) «был центром религиозной системы государства в эпоху Республики и Империи и играл важную политическую роль. Здесь консулы совершали свои первые публичные жертвоприношения, Сенат собирался на торжественную ассамблею, это место было пунктом назначения триумфальных процессий и хранилищем архивов торговых взаимоотношений с другими государствами. Для римлян это был символ независимости и власти Рима, ее бессмертия» [Platner: 302]. Как мы видим, и в этой характеристике говорится прежде всего о ритуальных и символических политических событиях, а не о текущей политической жизни, которая проходила на Форуме. Однако Форум в Риме, хотя и был центром государственной и политической жизни, располагался в низине [Сергеенко: 10], а не на холме.

Тютчев же, помещая своего персонажа на «высоту», тем самым подчеркивает особую значимость возвышенности, источником образа которой, как мы считаем, могла быть Альбанская гора из трактата Цицерона, трансформировавшаяся в Капитолийский холм в соответствии с художественной задачей автора.

Важно отметить, что мотив заката звезды для описания конца Рима встречается у Тютчева не только в «Цицероне». Впервые он был использован в раннем одическом стихотворении «Урания» (1820), где перед читателем разворачивается историческая панорама цивилизации:

Откройся предо мной, протекших лет вселена!

Урания, вещай, где первый был твой храм...

[Тютчев 2002: 22].

Повествование доводится до эпохи Древнего Рима:

Рим встал, – и Марсов гром и песни сладкогласны

Стократ на Тибровых раздалися холмах;

И лебедь Мантуи, взрыв Трои пепл злосчастный,

Вознесся и разлил свет вечный на морях!..

Но что сретает взор? – Куда, куда ты скрылась,

Небесная! – Бежит, как бледный в мгле призрак,

Денница света закатилась

Везде хаос и мрак!

[Тютчев 2002: 22–23].

Здесь еще до «Цицерона» мы наблюдаем реализацию той же самой мотивной структуры: величие и конец Рима описываются через противопоставление возвышенности, олицетворяющей «прежние годы Рима» («Капитолийская высота» в «Цицероне» и «на Тибровых раздалися холмах» (т. е. на холмах Рима – А. Б., Б. О.)» в «Урании»), и заката светила, сопряженного с началом каких-либо бедствий («Закат звезды ее кровавый» – «Денница света закатилась, / Везде хаос и мрак»). Но еще более значимо то, что центральным действующим лицом в стихотворении выступает Урания, от лица которой, как мы помним, ведется монолог о падении «факела Фэба» в трактате «О дивинации». Следовательно, Урания становится еще одним связующим звеном между текстами Тютчева и трактатом Цицерона.

Таким образом, приняв во внимание текст «Урании», можно предположить, что описанный фрагмент мотивной структуры сложился в творческом сознании Тютчева под вероятным влиянием произведения Цицерона еще в 1820 году, позже оказавшись актуальным в рамках новой выработанной Тютчевым стилистики и поэтики, что подтверждается его реализацией в стихотворении «Цицерон».

Литература

1. *Королева* – Королева Н. В. Тютчев и Пушкин // Пушкин: Исследования и материалы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. – Т. 4. – С. 183–207. (Интернет-издание: <http://ruthenia.ru/tiutcheviana/publications/koroleva.html>)
2. *Аксаков* – Аксаков И. С. Биография Федора Ивановича Тютчева. – М.: Типография Волчанинова, 1886.

3. *Летопись* – Летопись жизни и творчества Ф. И. Тютчева. Кн. 1: 1803—1844 / Сост. Т. Г. Динесман, И. А. Королева, Б. Н. Щедринский; Отв. ред. Т. Г. Динесман. – М.: ООО «Литограф»; Мураново: Музей-усадьба «Мураново» им. Ф. И. Тютчева, 1999.
4. *Белевцева* – Белевцева Н. П. Книги, принадлежавшие Тютчеву // Ф. И. Тютчев. – М.: Наука, 1989. – Кн. II. – С. 631–649. – (Лит. наследство; Т. 97).
5. *Николаев* – Николаев А. А. Примечания // Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. – Л.: Сов. писатель, 1987. – С. 359–425.
6. *Орехов* – Орехов Б. В. Образ славы в стихотворении «Цицерон» в свете античной параллели // Литературоведческий сборник. – Вып. 15–16. – Донецк: ДонНУ, 2003. – С.158–162.
7. *Полонский* – Полонский А. О глаголах в поэзии Тютчева // <http://www.tyutchev.ru/t12.html>
8. *Сергеенко* – Сергеенко М. Е. Жизнь Древнего Рима: Очерки быта. – СПб.: Журнал «Нева», Издательско-торговый дом «Летний Сад», 2002.
9. *Тютчев 1987* – Тютчев Ф. И. Полное собрание стихотворений. – Л.: Сов. писатель, 1987.
10. *Тютчев 2002* – Тютчев Ф. И. Полное собрание сочинений и писем: В 6 т. – М.: Издат. центр «Классика», 2002. – Т. 1. Стихотворения, 1813–1849.
11. *Цицерон 1972* – Цицерон М. Т. Три трактата об ораторском искусстве. – М.: Наука, 1972.
12. *Цицерон 1985* – Цицерон М. Т. Философские трактаты. – М.: Наука, 1985
13. *Platner* – Platner S. M. A Topographical Dictionary of Ancient Rome. – London, 1929.